

лемами и достижениями. Нет никаких сомнений в том, что авторы справились со своей задачей. Книга А. А. Киселева и Т. А. Киселевой, несомненно, является событием в исторической и этнографической науке. Она представляет интерес не только для ученых — историков и этнографов, но и для краеведов, а также для массового читателя, интересующегося современной жизнью народов Севера.

Т. В. Лукьянченко

**Н. К. Гаврилюк. Картографирование явлений духовной культуры (по материалам родильной обрядности украинцев).** Киев: Наукова думка, 1981. 279 с.

Картографирование явлений духовной и материальной культуры — одна из центральных задач советских этнографов. Не случайно поэтому проблемы ареальных исследований этнографии в течение последних двух десятилетий стали предметом дискуссий среди ученых разных специальностей. Итоги их обобщены в таких фундаментальных изданиях, как «Проблемы картографирования в языкознании и этнографии» (Л.: Наука, 1974) и в сборниках «Ареальные исследования в языкознании и этнографии» (Л.: Наука, 1971, 1974, 1975, 1977, 1978).

В работах, посвященных задачам, методике и общеметодологическим вопросам картографирования традиционных обрядов, основное внимание уделялось свадебной обрядности (статьи К. В. Чистова, А. В. Гуры, Л. С. Гвоздиковой, Г. Г. Шаповаловой, А. К. Байбурина). Картографирование же родильной обрядности в ее историческом развитии впервые предпринял Н. К. Гаврилюк. В этом плане ее монографическое исследование является новаторским и представляет тем больший интерес, что ни в советской, ни в дореволюционной этнографии нет обобщающих исследований о родильной обрядности украинцев.

Поскольку картографический метод доминирует в настоящей работе, то вполне естественно, что она открывается «Введением», посвященным историографии отечественного этнографического картографирования, а также задачам и методике историко-этнографического картографирования родильных обычаев и обрядов. Следующие две главы книги посвящены историко-стадиальному развитию родильной обрядности украинцев. Соответственно в рамках изучаемых исторических периодов выделяются главы «Территориальное распространение традиционных явлений и комплексов родильной обрядности. Конец XIX — начало XX века» и «Современное развитие родильных обычаев и обрядов и их территориальное размещение в Украинской ССР». Названные главы имеют четкую структуру. Каждый тематический раздел соответствующих глав имеет заключительную часть, где подводятся итоги исследования конкретного картографического материала и предприняты попытки его сравнительно-этнографического и историко-типологического анализа. В конце каждой главы дается обобщенная характеристика комплексов родильной обрядности с их вариантами, устанавливается стадиальное развитие этих комплексов, называются их географические границы.

В ряде работ уже приводились количественные данные, характеризующие обрядность других народов (например, латышей, удмуртов<sup>1</sup>). В работе же Н. К. Гаврилюк поставлены, вероятно, более сложные задачи, поскольку систематизация и сопоставление элементов или комплексов явлений культуры, относящихся к разным хронологическим датам, с наибольшей полнотой могут быть выполнены только методом картографирования в совокупности с глубоким этнографическим знанием предмета. Книга Н. К. Гаврилюк — удачный пример такого комплексного исследования. Автор изучила периодику и опубликованные материалы, привлекая одновременно обширную информацию, полученную в итоге собственных экспедиционных разысканий. Следует отметить при этом тщательную разработку типологии картографируемых явлений и многосторонний (сравнительный структурно-функциональный и территориально-пространственный, а также историко-стадиальный) их анализ. Одни только карты (даже без обращения к текстовой части работы) могут служить самостоятельным источником разнообразной информации. Они отражают наличие или отсутствие картографируемых объектов, множество их локальных форм (см., например, карты № 3, 4, 6, 7, 13 и др.) и, таким образом, дают читателю возможность самому решать определенные вопросы, связанные с этнической историей украинцев и историко-этнографическим районированием Украины. Многие карты (№ 5, 9—12, 14 и др.) одновременно отражают также динамику преобразования явлений на разных исторических этапах, что особенно важно для изучения механизма развития народных обычаев и обрядов, отражения в них конкретно-исторических особенностей этноэволюционных процессов. Эти сложные задачи Н. К. Гаврилюк удалось решить благодаря сочетанию картографического метода со сравнительно-историческим подходом к предмету исследования. Между тем, как уже отмечалось в литературе, «несмотря на несомненный интерес, который представляет подобное сопоставление (данных картографического и сравнительно-исторического методов.—Л. Т.), до сих пор проводилось мало исследований, в которых бы использовались оба метода»<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> См., например: Пименов В. В., Христолюбова Л. С. Удмурты. Ижевск: Удмуртия, 1976; Устинова М. Я. Семейные обряды латышского городского населения в XX в. М.: Наука, 1980.

<sup>2</sup> Кузнецова Т. О. Картографирование и сравнительно-исторический метод.—В кн.: Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Л.: Наука, 1978, с. 85.

Принципиально важно и то, что пространственная среда карты заполнена не только обрядовой реальностью, но и обрядовой терминологией. Автор дает, например, локальные названия бабки-повитухи (карта 2), термины обряда пострижения (карта 16). Такой подход закономерен, поскольку обряд и обрядовая лексика исторически взаимообусловлены и являются реалиями народного быта и языка. Думается, что вообще одним из условий картографирования обрядности должна быть фиксация лексики обряда. В определенных случаях язык обряда помогает проследить некоторые этноэволюционные связи, наметить переходные формы обряда в пограничных зонах смежных ареалов, указать на факты межэтнического общения и т. д. Довольно часто, например, в условиях сильно редуцированной структуры традиционного обряда и даже полного его исчезновения терминология продолжает жить, функционируя в бытовой лексике населения и наполняясь со временем новым содержанием (прекрасные материалы по этому вопросу Н. К. Гаврилюк публикует в рецензируемой книге). Таким образом, исследование терминологии, с одной стороны, помогает восстановить исчезнувшие звенья обряда, а с другой — проследить его эволюцию.

Опыт, накопленный советскими учеными в области историко-этнографического картографирования, позволил Н. К. Гаврилюк создать собственную методику картографирования динамики родильной обрядности украинцев, дающую возможность продемонстрировать соотношение традиций и инноваций. Разработка методики диахронного показа на картах структурно-функциональных изменений обычаев и обрядов — это неоспоримая заслуга автора. Положительной стороной исследования Н. К. Гаврилюк является сочетание анализа ретроспективных (в книге реконструируется состояние обычаев и обрядов, начиная с рубежа XIX—XX вв.) и современных черт развития родильной обрядности украинцев. Полевой этнографический материал, собранный автором в местах компактного расселения русского населения (Сумская, Харьковская, Запорожская области), позволил также коснуться этнокультурных связей украинцев и русских.

Необходимо подчеркнуть, что такие центральные в этнографической науке проблемы, как этногенез и межэтнические связи, все еще недостаточно отражены в историко-этнографических атласах. Поэтому итоги проведенного Н. К. Гаврилюк картографического анализа территориального распространения традиционных явлений и комплексов родильной обрядности украинцев на конец XIX — начало XX в. можно сравнить только с результатами создания антропологической и диалектологической карт украинского народа. Для этого есть определенные основания. Думается, например, что совпадение некоторых гено-географических зон, а именно центральноукраинской и северо-восточной, или полесской<sup>3</sup>, и таких выделяемых Н. К. Гаврилюк комплексов традиционной родильной обрядности, как северный (или полесский) и центральный (или среднеподнепровский), не случайно (см. карту 17). С картой географического распространения различных комплексов традиционной родильной обрядности совпадают и территориально-диалектные различия в украинском языке: в нем выделяются зоны среднеподнепровских, полесских, подольских, закарпатских и других говоров. Таким образом, данные этнографии, истории, языкознания, этнической антропологии позволяют ставить и решать вопросы картографирования комплексно. А это, в свою очередь, даже в рамках отдельной темы (как, например, исследование Н. К. Гаврилюк) дает выход на проблемы генетических и этнических связей между отдельными этническими общностями людей.

Изменение в советское время родильных обычаев и обрядов украинцев в структурно-функциональном и территориально-пространственном отношениях, тенденции их развития на современном этапе — следующая большая задача, решаемая в книге. Поскольку к настоящему времени комплекс традиционной родильной обрядности значительно сократился (например, за счет исчезновения очистительных обрядов), то, естественно, что автор основное внимание уделил наиболее значимым в общественном отношении обычаям и обрядам, посредством которых новорожденный приобщается к семье и общественно-бытовой среде: показаны изменения, происшедшие в структуре и содержании обычаев, связанных с проведением роженицы и празднованием родин; сравниваются особенности обычая кумовства в прошлом и настоящем и обеда в честь новорожденного, структурные изменения в бывшем обряде пострижения новорожденного. Эта часть работы может служить примером подлинно научного подхода к этнографической проблематике современности. Ее ценность определяется не только глубиной научных изысканий, но и обоснованием практической целесообразности бытующих ныне традиционных обычаев. В частности, заслуживает внимания исследование современных особенностей обычая кумовства. Так, говоря о консервативности традиционной терминологии, автор отмечает, что появление понятий «почетные» или «названные» родители, отражающих суть многовекового народного обычая, безусловно внесет изменения в соответствующую бытовую терминологию. Дискуссионен, на наш взгляд, вопрос о современных формах коллективного кумовства. Автор считает, что значительное расширение ареала бытования некоторых форм коллективного кумовства позволяет предположить, что это явление на уровне бытовых отношений станет типичным для сельского населения республики (с. 242). Вероятно, прогнозировать в этом случае следует с учетом и тех тенденций, которые развиваются в городской среде, значительно влияющей на культурно-бытовое развитие села (хотя ввиду существования сельской миграции и родственных контактов возможно и обратное влияние). В целом же не только в этом, но и в других случаях нельзя не пожалеть, что в книге нет ни одного выхода на бытовые модификации городского родильного обряда.

<sup>3</sup> См. об этом подробнее: Данилова Е. И. Гематологическая типология и вопросы этногенеза украинского народа. Киев: Наукова думка, 1971.

Нужно отметить также, что в отличие от других работ рецензируемое исследование дает представление не об обобщенной модели современного обряда, а о его реальных типах, реальном бытовании и реальных локальных особенностях.

Обе главы книги максимально полно охватывают вопросы, касающиеся традиционной и современной родильной обрядности украинцев. Более того, намечены перспективы дальнейшего исследования. Например, в результате синхронного анализа распространения традиционных родильных обычаев и обрядов возникло немало вопросов, связанных с генезисом явлений украинской культуры как составной части восточнославянской культуры. Решение этой задачи соответственно требует картографических материалов по западноукраинским и смежным с Украиной областям России, Молдавии, Белоруссии и соседних стран. Правда, существующая литература уже могла бы частично послужить автору для плодотворного сравнительного изучения родильной обрядности на смежных территориях. Другая задача связана с изучением процессов этнической интеграции родильной обрядности как составной части духовной культуры украинского народа. Диалектика национального и интернационального в этом процессе, его комплексные культурно-этнические характеристики, в том числе первичные и вторичные формы обряда и его переходные формы между смежными ареалами,— все это требует еще своего изучения.

Книга Н. К. Гаврилюк — итог кропотливого и тщательного многолетнего труда. Она содержит разнообразнейший, вдумчиво отобранный материал, отличается четко аргументированными выводами и продуманной системой карт. Без сомнения, этот труд привлечет внимание специалистов многих смежных с этнографией дисциплин. Хотелось бы пожелать Н. К. Гаврилюк продолжить успешно начатое исследование, так как итоги работы и намеченные перспективы, бесспорно, принципиально важны и для практических работников, и для теоретических изысканий советских этнографов.

*Л. А. Тульцева*

**С. С. Курогло. Семейная обрядность гагаузов в XIX — начале XX в. Кишинев: Штиинца, 1980. 138 с.**

Изучение обрядовой стороны жизни этносов, в том числе и семейной обрядности, остается одним из важнейших направлений этнографических исследований. Ежегодно публикуются работы, посвященные разным аспектам обрядности. Только в 1980 г. этнографическая наука пополнилась рядом разноплановых серьезных исследований семейной обрядности народов СССР. Изучению русской городской свадьбы посвящена монография Г. В. Жирновой; по-новому подошли к изучению свадебных и похоронных обрядов большого региона авторы коллективной монографии «Семейная обрядность народов Сибири. Опыт сравнительного изучения». Региональный подход характерен и для рецензируемой монографии, посвященной исследованию семейной обрядности гагаузов, одного из сравнительно немногочисленных народов нашей страны. От имеющих уже публикаций по гагаузской семейной обрядности книга С. С. Курогло выгодно отличается полнотой анализируемого материала. Ранее им уже был опубликован ряд статей о гагаузских родильных, свадебных и похоронно-поминальных обрядах.

Рецензируемая монография представляет собой итог многолетних исследований. С. С. Курогло тщательно учитывает публикации других авторов, изучавших данную проблему, широко использует архивные материалы и произведения фольклора, однако основным источником для его работы послужили полевые записи, сделанные им в гагаузских селах Молдавии и Одесской области УССР в этнографических экспедициях 1970—1978 гг. Из-за недостаточной этнографической изученности гагаузов С. Курогло поставил задачу «как можно шире описать и дать сравнительно-исторический анализ традиционной семейной обрядности гагаузов, выявляя в ней элементы специфики, степень и характер межнациональных заимствований, уровень устойчивости традиции в новых условиях» (с. 10).

Книга состоит из введения, трех глав — «Обычаи и обряды, связанные с рождением и воспитанием детей», «Свадебная обрядность», «Похоронно-поминальные обычаи и обряды» — и заключения. В вводной части представлена историография проблемы, задачи и методика данного исследования, хронологические рамки которого определены источниками. Упоминания о гагаузах как отдельном народе встречаются начиная с первой половины XIX в., поэтому, отбирая сведения о семейной обрядности, С. Курогло должен был скрупулезно изучить практически всю литературу, хоть в какой-то степени касающуюся гагаузов. Во введении дается и небольшая историко-этнографическая справка о народе, что в сочетании с историографическим обзором позволяет составить цельное представление о народе, его истории и степени изученности и, безусловно, облегчает читателю восприятие конкретной темы — семейно-обрядовой стороны жизни гагаузов.

Первая глава знакомит читателя с обрядами, связанными с рождением и воспитанием детей. Она состоит из двух параграфов: в первом говорится об обычаях, обрядах и верованиях, связанных с беременностью женщины и рождением ребенка, во втором — об обычаях и обрядах, посвященных принятию детей в семью и общество.

Последовательно описывая обряды, связанные с рождением ребенка, С. С. Курогло анализирует их в сравнительно-историческом плане, отмечая среди многочисленных обрядовых элементов специфически гагаузские и регионально-общие, свойственные бол-